

ГЛАВА 1

Лейкемия. Так сказала доктор. Она была молодой белой красоткой. Ее каштановые волосы занавесью лежали на ее левом глазу. Она говорила с нами тихим голосом и таким тоном, каким взрослые для доходчивости разговаривают с детьми, в особенности когда думают, что ребенок идиот. Рот она открывала ровно настолько, чтобы губы пропускали слова. Она сказала, что у нашей четырехлетней дочери в кровяных клетках обнаружен рак. Наша Анита, игравшая в соседней комнате в «Лего», ни о чем таком и не подозревала. Острая лимфобластная лейкемия. Эти странные слова были произнесены голосом, который одновременно звучал невероятно резко и бархатно. Эта ее мягкая подача утешала плохо. Можно завернуть дробовик в цветы, но выстрел от этого не становится менее смертоносным.

Молодая, белая, хорошенькая докторша сказала, что пока еще рано говорить наверняка, но шансы, что с нашей Анитой все будет окей, довольно велики. «Окей» — именно так она и сказала. Иногда четыре буквы могут значить так много. Она тут же добавила, что не может давать никаких обещаний. Люди боятся

становиться чьей-то надеждой. Я ее понял, но хотел, чтобы она стала нашей надеждой.

Докторша дала нам несколько мгновений, чтобы осмыслить ее слова. Молчание нигде не бывает таким холодным и стерильным, как в больницах. Моя жена Мелиса и я дышали в этом молчании и ждали. Мы не смотрели друг на друга, но я чувствовал, как паника охватывает мою жену, циркулирует по ней так, будто она стала радиоактивной. Я хотел обнять Мелису, утешить ее, сказать, что все будет окей, но я боялся совершить какое-нибудь неожиданное движение. Я легонько накрыл ее руку своей, но она убрала свою, сделала это быстро и резко, словно полоснула меня невидимым ножом, а потому я перевел взгляд на белый халат доктора. Прямо над карманом прочел вышитые синим букочки: *Доктор Флинн*.

Доктор вздохнула. До наших ушей из соседней комнаты донеслось хихиканье Аниты. Мне показалось, будто Бог ударил меня по сердцу, а Мелиса проглотила что-то. Грустная женщина — висящий над миром меч, угрожающий упасть в любую минуту.

Доктор Флинн снова вздохнула, а потом объяснила нам, что острая лимфобластная лейкемия — одна из разновидностей рака, поражающая костный мозг и белые кровяные тельца. Это довольно часто встречающаяся ошибка в организме, и чаще всего болезнь такого рода поражает детей. Сбой в костном мозге, сказала она. Потом она посмотрела на нас и сказала, что костный мозг — это такая губчатая ткань внутри наших костей, эта ткань производит кровяные тельца. Вы меня понимаете — она это сказала потому, что, вероятно, считала нас глупыми. Если ты говоришь с акцентом, то люди нередко думают, что у тебя интеллект как у фонарного столба.

Доктор Флинн хотела, чтобы мы знали: многие дети с лейкемией довольно быстро выздоравливают, если факт заболевания устанавливается на раннем этапе и лечение начинается немедленно. Но она повторила, что гарантировать они ничего не могут, поскольку рак всегда штука сложная, «скользкий противник», сказала она, пытаясь пошутить, что, вероятно, когда-то вызвало натянутую улыбку у какого-то ошарашенного родителя, и добрый доктор с тех пор держала эту шутку в своем репертуаре.

Когда ваш ребенок здоров, вы думаете о больных детях, и вам хочется плакать, хочется помочь им. Когда болен ваш ребенок, вам на других детей наплевать.

Доктор Флинн наклонила голову, пальцами сдвинула чуть в сторону занавесь на своем глазу и положила руку с наманикюренными ногтями на дрожащее плечо Мелисы. Отрепетированное сочувствие доктора Флинн казалось таким же искренним, как и ее идеально наманикюренные ногти. Я знал, что мы были всего лишь очередным делом в ее длинном списке других подобных историй, и она бросала нам монетку надежды, чтобы мы могли держаться за нее, могли держаться хоть за что-то. И все же мы ей верили. Нам было нужно ей верить. Я посмотрел на ее белоснежный халат и подумал об ангеле. Она сделает для нас чудо. Другого выбора у нас не было. Неверие в нее означало что-то столь ужасное, что мой мозг отказывался его переваривать.

Когда доктор ушла, моя жена начала говорить «Mi hīja». Моя доченька. Она села. Она заплакала. Она снова и снова повторяла «Mi hīja». Она повторяла эти слова, пока они не стали пульсом нашего кошмара.

Mi hīja. Mi hīja.

Я молчал, опасаясь чего-то такого, о чем я не смогу или не захочу говорить. Я мог думать только об одном — о том, как я вхожу в соседнюю комнату, беру Аниту на руки и держу, держу так вечно. Большие карие глаза Мелисы смотрели бешеным взглядом. Она глотала воздух и оглядывалась, она определенно пыталась успокоиться, чтобы, войдя к дочери, мы не встревожили ее. Забавно, как родители, получив пулю в грудь, улыбаются, чтобы их ребенок не начал беспокоиться или плакать.

Анита в ее четыре года, до этого дня, была здоровой, никогда ничего хуже простуды с ней не случилось, пару раз была ушная инфекция, а когда прорезывались зубки, у нее случались повышения температуры или расстройства желудка. Химиотерапия сделает с ней чудо. Непременно. Медицинские исследования продвинулись очень далеко в этом направлении. Мы жили в будущем. Все будет окей. А нам нужно только оставаться сильными. У нашего ангелочка скоро начнется ремиссия. Господь добр. Он не допустит страданий ребенка. Никто не заслуживает чудес так, как их заслуживают неудачливые ангелочки. Все будет хорошо. Бог и химиотерапия — ведь это дуэт победителей, верно? Мы убедили себя в этом. Наша малютка полна жизни, у нее очень сильная воля, она не проиграет эту битву. Она слишком любима, а потому не может умереть.

Наконец Мелиса вздохнула с перебоями и посмотрела на меня. Что-то холодное закралось в ее глаза. Губы у нее перекосило в некоем подобии улыбки, хотя брови грозили смять ее лицо.

— Пойдем к нашей детке, — сказала она.

Мелиса вошла в соседнюю комнату и подняла нашу дочку, прижала к себе, уткнулась головой в ее шейку,

ДОМОЙ ПРИВЕДЕТ ТЕБЯ ДЬЯВОЛ

осыпала поцелуями, чтобы спрятать от Аниты свои красные глаза и нос. Я обнял их обеих и почувствовал, как страх вонзился в мое сердце.

* * *

Два дня я не мог восстановить нормальное дыхание. Я чувствовал себя как альпинист, у которого близ вершины Эвереста кончился запас кислорода в баллоне. Но когда я видел улыбку Аниты, надежда расцветала в моей груди. Это было теплое, утешительное чувство, которое позволило мне снова дышать нормально.

А потом начались скверные сюрпризы.

ГЛАВА 2

Выяснилось, что мы не поймали монстра на раннем этапе, как они надеялись. Еще выяснилось, что процент выживаемости у маленьких смуглых девочек с лимфобластной лейкемией ниже, чем у детей других рас. Да еще и заболеваемость лейкемией у латиноамериканцев выше. Даже самые страшные болезни тоже — расисты гребаные. А знаете, что хуже всего? Замечательные врачи в больнице не могли нам объяснить, почему так. Да, между курандеро¹, который плюет ромом тебе в лицо, и доктором, который смотрит на тебя и не дает ответа, различие состоит в белом халате последнего и окружающем его запахе дезинфектантов.

Яд в венах Аниты не ограничивался проникновением в ее кровь. Еще он хотел знать, о чем она думает, проверять содержимое ее снов, а потому он атаковал ее спинномозговую жидкость. *Leinvadió lospensamientos. Semetió ensussueños*² и медленно убивал наши.

Самое странное во всем этом, настолько меня взбесившее, что я на какое-то время забыл о горести, было

¹ Знахарь, шаман (*исп.*).

² Вторгался в ее мысли. Проникал в ее сны (*исп.*).

в том, что всю мою жизнь я владел одним даром. Когда приближается что-то дурное, у меня в желудке появляется холодок. Появляются слуховые галлюцинации — я слышу слова. Шепот. Вижу сны наяву. Что-то начинает гудеть вокруг меня и продолжается, пока я не обращаю на это внимания. Если что-то такое случается со мной, то я готовлюсь, остаюсь настороже. И это происходит со мной с самого моего детства.

Моя наркоманка-мать всегда говорила, что надо мной летают ангелы. Я родился в плодном пузыре, и мать говорила, что это наделило меня способностью видеть по обе стороны занавеса. В темные тихие вечера, когда она вставала с дивана только для того, чтобы забежать в ванную, она останавливалась, смотрела на меня и сообщала, что слышит разговор ангелов, которые заливают мне в голову тайны грядущего. Она говорила, что я должен научиться слушать их. «Escucha a los angelitos, miijo»¹, — говорила она. Потом она брала свою наркоту из маленькой тумбочки близ дивана, готовила себе дозу и втыкала шприц, наполненный теплыми видениями, в свою искалеченную вену. Я думаю, она хотела, чтобы ангелы и с ней разговаривали. Насчет голосов она была не совсем права, но и не абсолютно неправа тоже. Со мной никто не говорил, но я знал кое-что, слышал кое-что. Иногда это случалось даже в отсутствие звука. Например, я проснулся как-то утром в жутковатой тишине и сразу же понял, что отсутствие второго дыхания в нашем жилом автоприцепе означает, что мама ушла. Мне даже не нужно было вставать, чтобы удостовериться. Слезы бежали по моему лицу, когда я еще не успел коснуться ногами пола. А еще я, сидя как-то за домашним заданием, подумал вдруг

¹ Слушай ангелочков, сынок (*исп.*).

о моем друге Гекторе, а потом все звуки в мире прекратились на несколько секунд. Я понял, что его больше нет. На следующий день в школе нам сказали, что его отец сел за руль пьяным и просто намотал машину на фонарный столб — убил себя, жену, Гектора и его маленькую сестренку Мартиту.

Суть дела в том, что мой ангел ни разу меня не обманул, и у меня никогда не было ощущения, что вот-вот случится что-то ужасное. Ни снов, ни тревог, ни слов на ветру, ни шепота среди ночи, ни страха, ni una sorazonada¹. Некто или нечто, взявшее на себя труд сообщать мне о грядущих катастрофах, решило помалкивать о самых главных событиях в моей жизни. И на сей раз, как это ни горько, los cabrones ángeles decidieron quedarse callados². Что касается Аниты, то ничто не предвещало ее болезни. Мелиса даже не подумала упомянуть, что педиатр заметила какую-то необычную опухоль во время ежегодного осмотра Аниты и назначила какой-то дополнительный анализ крови — «на всякий случай». Мелиса, вероятно, не хотела, чтобы я спрашивал, покроет ли наш дешевый полис эти расходы.

Через несколько недель после постановки ей диагноза наша Анита из комка бушующей энергии превратилась в худенькую птичку со сломанными крыльями. Я прижимал к себе ее крохотное тело и чувствовал, как внутри меня все моментально рушится. Ее пожирало невидимое чудовище, лакомилось ее невинностью, а я ничего не мог сделать.

И потому мы молились. Мы с Мелисой молились, сложив руки и скрежеща зубами. Мы молились, с такой силой

¹ Никаких предчувствий (*исп.*).

² Эти убудочные ангелочки решили помалкивать (*исп.*).

сжимая четки в руках, что на наших ладонях часами после этого оставались полумесяцы. Мы молились, и брызги слюны слетали с наших губ, мы молились, и слезы текли из наших глаз. Мы молились и заключали сделки, давали обещания, сыпали угрозами. Мы молились, вкладывая в наши молитвы всю энергию, какая в нас оставалась. Мы просили Virgencita¹ спасти нашу детку. Мы просили вмешаться Бога. Мы просили ангелов протянуть нам руку. Мы просили святых помочь нам в этой борьбе. Все они молчали, и в их молчании обитала смерть.

Когда Мелиса начала зажигать странные свечи, привязывать освященные ленточки к больничной кровати Аниты и святой водой рисовать крестики на лбу нашей деточки, я не стал задавать ей вопросы и останавливать ее. Она пребывала в горести и отчаянии. Она была готова пробовать что угодно, чтобы святость осенила эту больничную палату. Она девять месяцев носила нашего ребенка, и я знал, что потерять дочку для нее все равно что лишиться сердца и легких. В хорошие дни я понимал ее и молился вместе с ней. В плохие — я садился за столик в кафетерии, пил скверный кофе, подумывал о том, чтобы поколотить докторов за то, что не делают своей работы, и мучился, размышляя о том, какой жалкой стала Мелиса, молящаяся о чуде, которое явно не благоволило к нашим мольбам.

Вы не знаете, что такое ужас, пока не проведете несколько часов в больнице, глядя на то, как у вас забирают дорогого вам человека, который забылся сейчас перед вами в тревожном сне. Вы не знаете, что такое отчаяние, пока вы не осознаете, насколько бесполезны все ваши молитвы. Я перестал есть и спать. Я превратился в жалкую копию того, кем был прежде, — небри-

¹ Дева Мария (*исп.*).